

Как говорится, по малому судят о великом. Именно так Госпожа Виктор и планировала проверить своего пасынка — эту колючую занозу, засевшую у неё под самым веком. Она часто вспоминала древнюю пословицу, пришедшую с далекого Востока: пусть та страна давно пришла в упадок, её многовековая мудрость всё ещё заслуживала уважения истинных аристократов.

Поглаживая эмалевую безделушку — трофей из рук солдат экспедиционного корпуса, — Вивиан Виктор прищурилась. Она ни на мгновение не отводила взгляда от магического предмета наблюдения, позволявшего следить за каждым шагом Локка.

Как поведет себя трехлетний ребенок в подобных обстоятельствах?

Ах, сначала он должен был с надеждой воззрится на внезапно появившегося Хогга, а затем растроганно замереть при виде дров для очага. Но нет... Почему у мальчишки такой отсутствующий вид? Верно, он в своём скудоумии даже не понял, как всем этим пользоваться. Никчемное создание, тупее домашнего эльфа.

Вивиан с разочарованием наблюдала, как Локк снова забился в свой угол. Жалкое зрелище. Впрочем, она осталась довольна: если Локк растёт таким бесхребетным, управлять им в будущем не составит труда.

Она с удовлетворением прихлебнула вина и откинулась на спинку роскошного дивана у камина. Антикварный бархат был изыскан, а за самой вещью явно тщательно ухаживали. По правде говоря, если бы в доме осталось хоть что-то еще, способное подчеркнуть статус их семьи, этот громоздкий антиквариат давно бы пустили с молотка.

В этом и заключалось всё нынешнее убожество рода Виктор.

Предметы роскоши, некогда наполнявшие их фамильные хроники, один за другим исчезали, растворяясь в тлене увядающего величия. Госпожа Виктор сделала еще глоток, притворяясь, будто в бокале не дешёвое пойло из магловского супермаркета за десять долларов, а драгоценное вино из средневековых испанских погребов.

Эрик Виктор любил вспоминать, как в юности ему посчастливилось присутствовать на приёме у Малфоев. Вино там, по его словам, было именно таким, о каком грезил Вивиан: вкус, букет... просто нектар.

На самом деле «визит» господина Виктора ограничился тем, что он покрутился у самых границ поместья. Ему отчаянно хотелось заглянуть внутрь. Напившись в какой-то уличной забегаловке и услышав, что Малфои празднуют рождение близнецов, он на чистом импульсе бросился к поместью. Но разве в Поместье Малфоев пускают кого попало? Весь вечер Эрик просидел в дальнем переулке, пока стражники не выкинули его оттуда, словно грязную ветошь.

Однако стоило кому-то усомниться в чистоте крови семьи Виктор, как Эрик, помимо

заученного перечисления бесконечных ветвей генеалогического древа, пускал в ход свой главный козырь. Гордо вскинув подбородок, он заявлял:

— В своё время я, Эрик Виктор, был почётным гостем на балу в поместье Малфоев.

И затем под завистливыми взглядами таких же обнищавших дворян он с напускным безразличием описывал торжество, используя самые пышные эпитеты, на которые только был способен его разум. И неважно, что он даже не прикоснулся к кованым воротам поместья.

Порой по ночам, слишком много думая об этом, он и сам начинал верить в собственную ложь. Но каждое утро, открывая глаза и видя на лепнине потолка бурые пятна от протечек, под гнётом тяжелых мыслей возвращался к реальности.

«Ты, Эрик Виктор, — просто жалкий неудачник».

Власть, деньги, сила — всё это было пределом мечтаний. Эрик был готов отдать годы жизни, лишь бы заполучить их. Лишь бы его жена, Вивиан, которая не должна была влачить такое существование, наконец зажила в достатке.

«Мерлин, я приму любую кару, только дай роду Виктор возродиться».

Ради этого он готов был гнуть спину, льстить и раболепствовать. Каждый день он примерял маски, подобострастно заискивая перед любым, кто стоял выше него по положению. Даже если это был всего лишь подросток — ведь дети великих людей рано или поздно сами становятся великими, и служить им — привилегия.

Если собеседник любил прямолинейность, Эрик изображал благородного и верного рыцаря, исподволь превознося оппонента. Если ценил ум — он становился эрудированным ученым, скромно подчеркивающим гениальность другого. Если же перед ним оказывался напыщенный дурак, тот, не моргнув глазом, одаривал его такой же порочной и бесстыдной ухмылкой, лишь бы этот человек помог его семье подняться со дна.

За первые двадцать пять лет жизни Эрик Виктор познал всю горечь человеческих отношений. Он видел мир насквозь, и тот перестал его удивлять. Единственное, что имело значение — чтобы Вивиан оставалась с ним.

Что же до мальчишки Локка... Если за него предложат хорошую цену, Эрик не будет колебаться ни секунды.

Здесь стоит упомянуть о происхождении Локка. Он не был ребенком, рожденным в любви и ожидании. Его мать была простой служанкой — но служанкой, одержимой амбициями. Классическая история из третьесортных романов: опоить хозяина, забеременеть, предъявить права. Однако «героиня» не получила желаемого, умерев в муках при родах.

Локк стал занозой в сердцах супругов Виктор. Для Вивиан он был живым памятником измене мужа, для Эрика — клеймом его собственной неверности.

Но как бы им ни было тошно, в жилах мальчика текла кровь семьи Виктор. Более того, у ребенка проявился платиновый цвет волос, которого в их роду не видели несколько поколений. О чем это говорило? О том, что их родословная не лгала: род действительно был боковой ветвью могущественных и баснословно богатых Малфоев!

Ради будущего рода этого нежеланного ребенка пришлось оставить.

Что же касается обращения с ним — Эрика это совершенно не заботило. В его маленьком сердце было место лишь для семьи и жены. Возможно, позже он полюбит своих детей, но под «детьми» он подразумевал только тех, кого подарит ему Вивиан.

Поэтому он и не думал мешать жене изводить Локка. Если это делает её хоть капельку счастливее, то какая разница, что терпит мальчишка, пока он жив? Он и сам ненавидел существование Локка — каждый раз, когда он видел в глазах Вивиан печаль при взгляде на ребенка, его сердце пронзала острая боль.

Он не был святым. Он был по-настоящему мелким, гнусным человеком. Не будь Локк столь ценен для будущего, он собственноручно придушил бы собственного сына.

«Мерлин, это грех...»

Сказать по правде, верность Эрика своей жене была редким явлением среди аристократов. Он никогда не заводил интрижек на стороне, и хотя был галантен со всеми дамами, всегда держал их на расстоянии вытянутой руки. До рождения Локка среди благородных семей даже ходили слухи о его «особых» предпочтениях. Вивиан долго не могла забеременеть, а он продолжал хранить ей верность — почва для сплетен была благодатной.

Появление Локка положило конец этим разговорам, и это стало еще одной причиной, по которой мальчишке сохранили жизнь.

Иногда, глядя на наказанного Локка, Эрик впадал в тягостные фантазии. Каким бы был его мир, не существуй этого ребенка? Продолжал бы он просиживать штаны в дешевых кабаках, разглагольствуя о былой славе, не в силах изменить бедственное положение семьи?

Эрик яростно тряхнул головой. Нет, всё не так.

«Если бы не этот мальчишка, мы с Вивиан жили бы просто и счастливо. В холодные зимы мы бы грелись у камина, бесконечно вспоминая дни нашей первой встречи».

Без несбыточных грез, только он и его Вивиан.

Дни в ожидании помощи от Малфоев тянулись невыносимо долго. Окружающие лишь гадали, когда род Виктор восстановит связи с великим домом, но только небеса знали, сколько людей на самом деле ждали, когда Малфои официально отрекутся от этого родства, чтобы вдоволь посмеяться над их крахом.

В конце концов, люди не терпят, когда кто-то другой, такой же нищий и опустившийся, вдруг получает шанс на спасение.

<http://bllate.org/book/17457/1691806>